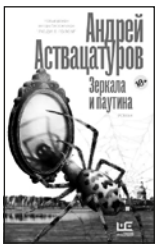

Аствацатуров Андрей. Зеркала и паутина : роман. — М. : АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2026. — 416 с.

"ЗЕРКАЛА и паутину" я прочитал как религиозный роман писателя и филолога, который не был замечен в особом внимании к теологическим проблемам. Нигде в современной прозе не встретишь аствацатуровский ум, рассыпающий перед нами столько архетипов, что с первых страниц начинаю свой путь два сюжета. В одном многословно царит и усиливает свой и всеобщий кризис литературовед-аутсайдер. В другом выстраивают нечто совместное Арахна, Одиссей, Сизиф, Тристан, Дионис, Иов и, наверное, христианский Бог.

Что на старте сюжета первого? Кириллу Богданову чуть за тридцать, ни жены, ни детей, ни друзей, недавно ушла девушка Ольга. Кирилл вяло ест гречку, с трудом отыскивает за-

у греков. И уж точно в романе Аствацатурова, где над мифологической богиней можно увидеть Бога и Автора, которые повыше Афины будут.

Я вижу в "Зеркала и паутина" две интриги. Одна — попроще: предст или нет Кирилл своего "божественного" (я не придумываю, так в речевых аттестациях) учителя Обухова? Вторая — посложнее: сумеет филолог Богданов перестать быть мухой, а также бешеной Арахной, ненавидящей всё, что рядом движется? Можно сказать, что есть и третья интрига: как же интеллигенту научиться жить, не обращаясь к помощи утешающих таблеток?

На идеальном университетского гуманитария в романе похож Николай Петрович Обухов. Судя по всему, ему около шестидесяти, находится он на поистине симфонической высоте, преподаёт только высокое — например, историю культуры Средних веков и Возрождения.

Куль Обухова — университетская религия, приписанная практически всем героям романа: "слушай его можно до бесконечности", "глаза всегда выдавали нездешний степной

сбегает с пары. Он останавливает на студентах внимание лишь в кульминациях их вполне понятного идиотизма: говорят о "канализации" вместо "колонизации", есть и другие ошибки — много анекдотов.

Теперь претензия вторая. Андрей Аствацатуров перенёс действие романа в 2002–2003 годы. Это более-менее соответствует эпохе организации факультета свободных искусств, против которого выступает Обухов. Всё равно надо было иначе! Надо было — в наши дни, туда, где Спецоперация, когда крыши и репутации сносит новое соотношение войны и мира. Вот тут бы Обухов, Богданов и Зуев раскрылись в изумительной полноте, преодолевая неизбежную камерность "университетского романа"!

Думаю, это понимает и сам Аствацатуров. Вот что слышит начинающий прозаик Кирилл от опытного мастера: "Настоящий писатель должен хотя бы раз пережить то, что переживает мужчину на войне... Понимаете, война с её нечеловеческим ужасом отменяет всё. Отменяет всю вашу филологию, все художественные решения, ме-

звать к Вседержителю: "Господи! Есть ли во всём этом смысл? Хоть какой-то? Хоть самый ничтожный?"

Теперь о "рыцарском сюжете" в "Зеркала и паутина". На корабле, который везёт на экскурсию "по святым местам", Кирилл и его подруга Оля отождествляют себя с Тристаном и Изольдой. Игра в разгаре, и тут появляется пьяный "амбал в красной рубашке", который требует девушку к танцу. Должно состояться ещё одно поражение героя, но он неожиданно предстаёт Тристаном-хитрецом, Тристаном-юродивым. Загоняет "здоровенного лысого" в словесную ловушку, хватает "его кошелек и со всей силой швыряет в центр зала, прямо под ноги танцующим". Этого оказалось достаточно, чтобы свести атаку на нет, а дальше ещё одна хитрость Богданова позволила избежать встречи со стриптизом в корабельном ресторане.

Полифония личности героя рыцарского романа (воин — охотник — трубадур — актёр — мученик) не для современного произведения, но вряд ли автор совершенно случайно сделал Кирилла именно таким Тристаном.

жать в уме мысль о спасении очередного мужчины. Прекрасно место её подработки — возле Казанского собора в стилизованном костюме XVIII века склоняет туристов к платным фотографиям.

Эта "фальшивая императрица" замечательно выявляет одну из самых чистых интенций интеллигентской "химии" — тяготение к формально умной даме, которая всю жизнь нянчит свое "ничто", без особых эмоций и страданий гуляет по жизням разных, вроде бы интересных, персон.

БУДЕМ двигаться к финалу. Я не буду раскрывать всех карт, роман только что вышел — прочитайте. Особенно внимательно — самую последнюю страницу. Там мои вопросы станут ещё более насущными: Кирилл Богданов — мерзкий предатель (Иуда!) святого учителя или рыцарь (Тристан!), неизбежно оставивший позади всё-таки второстепенного короля? А как с Обуховым? Он — гениальный преподаватель, однажды оступившийся, или с ним — как-то иначе, будто химия его крови и души вели к главному поражению? А он ведь сдуслся, узнав, что его подлость в статусе главы приёмной комиссии известна ученикам! Не понёс свой крест! Или не сдуслся? И лишь в истерической агрессии Богданова представлен таким?

Да как-то и вокруг все сдуслись. Особенно ученик Капитонов, решивший, что если Обухова-праведника нет, то теперь действительно всё позволено! Перед интеллигентом в кризисе быстро появляется зеркало, где он легко и фатально отражается "горбатым пауком". Ещё один привет автора Фёдоров Михайловичу! Происходящее в "Карамазовых", их внутреннее Христос с Иовом и Инквизитором тут важны!

"А что если тебя со всех сторон обступают идолы? Что тогда?.. Если вокруг идолы, то нужно сделаться Дионисом, трикстером, клоуном, хамом. Или ребёнком", — произносит Кирилл Богданов (какая фамилия дана предателю?) за несколько страниц до конца.

Не оставаться с пауком и быть Дионисом? С Дионисом в модерне — понятно. Нищие стал Нищие, когда "убил" своего учителя Шопенгауэра, сильно изменив химию своего духа, выйдя на другие эпосы — лишённые страховки.

Но я отвечу в границах своего прочтения "Зеркал и паутины". Надо не стать Володей, который перечеркнул будущее прыжком с высокого этажа. Хорошо бы стать Иовом, способным вознестись и над сатаной, и над фарисействующими друзьями, и над паутиной с зеркалом. Хорошо это и для Кирилла Богданова, и для Николая Петровича Обухова — хорошо.

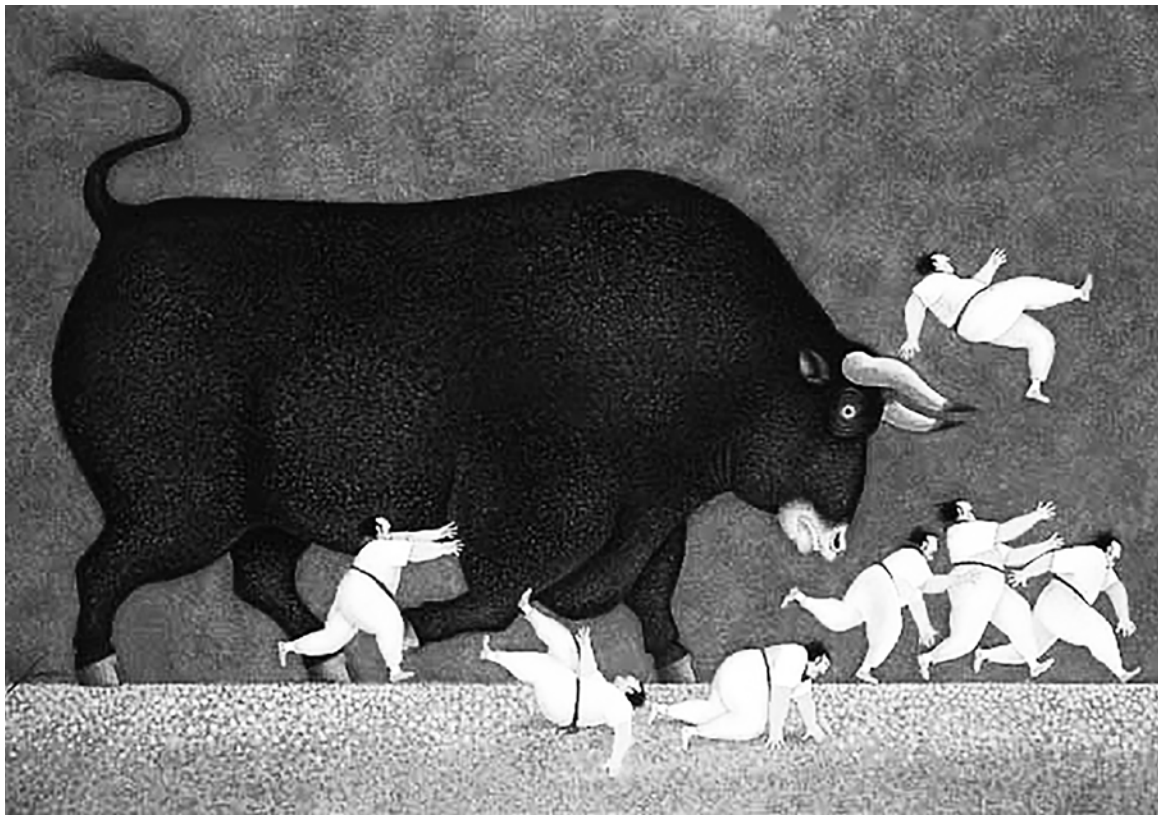
Преодолевая относительного "бога Обухова" и "сатану Зуева" — куда-то высь? Может быть. Роман позволяет прочитать его так.

Алексей ТАТАРИНОВ

Пелевин Виктор. Возвращение Синей Бороды : роман. — М. : Эксмо, 2026. — 480 с.

ПЕЛЕВИН остаётся непредрасказуемым и загадочным писателем. Пока все планировали дожидаться осени и гадать над темой произведения, Виктор Олегович преподносит новую книгу уже весной. И особенно приятно было узнать, что на этот раз нас не ждёт очередное продолжение бесконечной вселенной Transhumanism Inc. Вместо футуристических корпораций и привычной технокомедии Пелевин обращается к скандальной теме — истории "острова Эпштейна".

Пелевин — писатель, у которого десятки литературных миров, и почти каждый новый текст продолжает прежний, как будто открывая ещё одну дверь в уже знакомый, но каждый раз переиначенный лабиринт. Его герои кочуют из книги в книгу, меняют маски, имена и даже

ГРАНИ АБСУРДА

уровни реальности, но при этом остаются узнаваемыми. Константин Голгофский, к примеру, давно живёт в этой системе координат и уже появлялся у Пелевина раньше, в повести "Искусство лёгких касаний" (протоипом, очевидно, стал писатель и философ Дмитрий Галковский). И в новой книге Голгофский снова становится проводником в мир, где расследование быстро превращается в философский спор о природе памяти, вины и личности.

В центре сюжета на этот раз не разговор между Россией и Америкой, а история о тайнах элиты, о страшном острове и о том, как конспирология легко смешивается с историей, мифом и литературной игрой. Но по-настоящему интересным текст становится не тогда, когда объясняется очередную заговорческую схему, а когда начинается разворачивать её внутри самого человека: что если страшное происходит не только снаружи, но и внутри сознания, которое пытается это страшное осмыслить?

Виктор Олегович создаёт интересную стилистику повествования — рецензию на несуществующий 2000-страничный трактат (он также появляется в "Искусстве лёгких касаний"), который специально сокращает, чтобы читатель сумел вникнуть в суть дела и всё же открыть для себя ответы на такие вопросы, как "Что такое реинкарнация на самом деле?" и "Какое это отношение имеет к зловещему острову Литл-Сент-Джеймс?"

Книга состоит из трёх частей: "Возвращение Синей Бороды" как самая большая повествовательная часть приключений Константина Голгофского и две небольшие повести, которые герой написал в ходе своего расследования — "Пирамида Авраама" и "Песня о Пингвине". Отмечу, что "Пирамида Авраама" написана Пелевиным тысячных (как утверждает сам автор — повесть не его, а Голгофского) немного примитивно и душно, но всё равно смешно. Автор словно отвечает на вопрос: "Будут ли в будущем написаны такие романы, как 30 лет назад?" — и выдаёт повесть, по которой уже сам читатель судит, чего он больше хочет, нового или старого Пелевина.

ПОКА "пелевиноведы" прочли, что новый роман окажется плохим и скучным, замечаешь, как Пелевин всё же остаётся самим собой и при этом по-прежнему непредсказуем. Возможно, именно поэтому творчество Виктора Олеговича часто окружают довольно странные "интеллектуальные" критики, превращающие литературный обзор в бесконечный лабиринт бессмысленного философского текста, желающего быть этим автором, присвоить его манеру, показать себя там, где требуется лишь демонстрация навыка литературного анализа. Именно потому их так патологически тревожит ИИ и его развитие — ведь в слоях интертекста и этажах сложных интерпретаций всё равно скрывается симулякр, пустой и заменяемый.

Парадокс в том, что на фоне "нейрокритиков" Пелевин работает проще и точнее, не создавая образ академического философа. В первую очередь он писатель, который хорошо справляется с преобразованием философского контекста в художественное переживание. Он умеет сделать из актуального инфоповода не газетную колонку, а странный, насмешливый и одновременно серьёзный роман о времени, власти и человеческой природе. Причём без лишнего нажима и без желания нравиться читателю.

Да, поначалу в тексте можно немного запутаться: Пелевин вводит читателя в сторону, заставляя блуждать между строк, сбивая с ритма и пряча смысл в длинных, нарочито усложнённых поворотах. Но в этом и есть его сила. Он не разжёвывает идеи и не подаёт их в готовом виде. Он строит пространство, в котором смысл не лежит на поверхности, а протупает постепенно — через интонацию, через повтор, через игру, через то самое ощущение, что за внешним абсурдом всё же стоит вполне узнаваемая человеческая правда.

Голгофский, как и читатель, вынужден странствовать по своему сознанию, чтобы выйти на собственную реинкарнацию — Жилия де Рэ.

Конспирологический детектив начинает казаться сложным, когда оказывается, что мы живём лишь в одной из мультивселенных, где на острове орудут не Джеффри, а русский физик и со-

ПРОРОК ИМПЕРИИ

Н.Я. Данилевский: pro et contra : антология / сост. коммент. И.И. Докучаев, А.Я. Кожурин, вступ. статья А.Я. Кожурин, заключение И.И. Докучаев. — СПб. : Издательство РХГА, 2025. — 1 062 с.

Идеи Н.Я. Данилевского и современная философия истории: рецепции, истоки и значение : коллективная монография. — СПб. : Издательство РХГА, 2025. — 320 с.

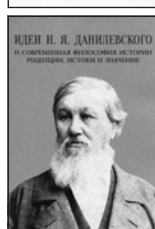
СПРАВЕДЛИВА народная мудрость: "Дорого яичко Христову дню". Если бы посвящённая Николаю Яковлевичу Данилевскому (1822–1885 гг.) антология вышла в известной петербургской серии "Русский Путь" сразу же после двухтомных изданий, посвящённых К.Н. Леонтьеву (1995 г.) и В.С. Соловьёву (2000 и 2002 гг.), то тираж был бы более обозначенных 300 экземпляров.

Издание подобных книг в 90-е и в начале нулевых поддерживалось РГНФ, РФФИ и другими гуманитарными российскими фондами, ныне почившими в бозе. Если бы антология вышла к 200-летию со дня рождения мыслителя, это дало бы информационный повод для её продвижения. Появление издания в год 140-летия со дня смерти Данилевского осталось незамеченным, хотя его составители и проделали значительную работу.

Антология состоит из семи больших блоков. Авторы первых двух достаточно традиционны: К.Н. Бестужев-Рюмин, Н.И. Кареев, К.Н. Леонтьев, П.Н. Милоков, Н.К. Михайловский, В.В. Розанов, В.С. Соловьёв, Н.Н. Страхов и др. Третий представлен откликами евразийцев: Л.Н. Карсавина, П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого. В четвёртый "Православие, наука и русская философская мысль" вошли тексты О.Ф. Миллера, П.А. Сорокина и Г.В. Флоровского. Современный консерватизм и либерализм в пятом разделе представляют В.В. Аверьянов, А.Г. Дугин, М.А. Маслин, Е.С. Холмогоров, В.Л. Цымбурский, И.Р. Шафаревич и др. В шестом представлены современные интерпретации концепции локальных цивилизаций, сделанные Б.П. Балуевым, А.А. Галактионовым, Е.Г. Дверецким, А.С. Панариным

Н. Я. ДАНИЛЕВСКИЙ: PRO ET CONTRA

ИДЕИ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО И СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ: РЕЦЕПЦИИ, ИСТОКИ И ЗНАЧЕНИЕ

и др. Досадно, что сюда не вошли упомянутые составителями труды москвича М.А. Емельянова-Лукиничкова и петербуржца Н.П. Ильина. Седьмой блок включает малоизвестные сегодня тексты, посвящённые полемике вокруг работы Николая Яковлевича "Дарвинизм". Впервые собранные под одной обложкой, читаются они с большим интересом!

Особо отмечу небольшое, но насыщенное информационной вступление А.Я. Кожурина "Синтез Н.Я. Данилевского". В антологиях не место обширным вступительным статьям, хотя бывают (в том числе в серии "Русский Путь") печальные примеры, когда неуёмный составитель растягивает "краткое вступление" до размеров небольшой монографии. Всё же главная задача антологии состоит в том, чтобы раскрыть определённую тему через чужие тексты и комментарии к ним. Что же касается мнения о Данилевском современных исследователей, то этой теме посвящена коллективная монография, в которой пять из восьми статей составляют тексты А.Я. Кожурина. Наиболее интересным из них представляется текст "Богословские воззрения Н.Я. Данилевского в контексте традиции светского богословия", в котором речь идёт о теологическом наследии мыслителя. Автор полагает, что это наследие соответствует "православной традиции в большей степени, чем писания не только модернистов, но даже такого консервативного автора, как К.Н. Леонтьев". И уж тем более "религиозные воззрения Н.Я. Данилевского свободны от тех сомнительных с точки зрения православия положений, которыми кишат сочинения В.С. Соловьёва и его последователей". Представляет интерес обозначенная антологией и получившая дальнейшее развитие в текстах коллективной монографии тема "полемикой Н.Я. Данилевского с теоретиками расизма" из числа европейских авторов. А.Я. Кожурин делает следующий вывод: "Сегодня, когда правящие круги Запада взяли на вооружение русофобские установки (в стиле, заставляющем вспомнить А. Гитлера и его Третий рейх) и активно поддерживают неонацистов на Украине, нам необходимо помнить, что одним из первых мыслителей, подвергших расистские теории резкой критике, был наш соотечественник Н.Я. Данилевский".

Новые книги о русском учёном и философе будут интересны специалистам по истории русской философской и консервативной мысли.

Александр РЕПНИКОВ

Степан БИРЮКОВ

Иллюстрация: «Памплона-Ирунья». Художник Лу-элла Эррера. 2006 г.